

Диана Мун – тверская поэтесса и прозаик, автор трёх стихотворных сборников: «Соловетра» (2008), «Карманная радуга» (2012), «Календарь метаморфоз» (2017), а также аудиокниги стихотворений «() за скобками» (2017). Глава областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья», руководитель творческого объединения «Струны души», художественный руководитель и организатор Регионального праздника поэзии «Верхневолжские чтения». Публиковалась в периодике Твери и области, альманахах «Бийский вестник» (Алтайский край), «Московский Парнас» (Москва), «Тверской литературный альманах» (Тверь), «Каблуковская радуга», «Берновская осень» (Тверь), «Между памятью и судьбой» (Торжок), журнале «Северо-муйские огни» (Бурятия), «Невский альманах» (Санкт-Петербург) и др.

* * *

Не будь так наивен,
ты нужен здесь лишь до срока:
Пока ты полезен и в лапах хватает сил.
В упряжке надёжно,
но это выходит боком:
О вольной прогулке хозяина не проси.
Когда постареешь, забудут твои заслуги:
И даже тот случай,
когда ты от смерти спас.
Ты был инструментом,
а очень хотелось – другом.
Молчание...
Только позёмка пустилась в пляс.

Средь сотен собратьев
чего же так одиноко?
И хочется выть
на изгрызенный диск луны,
Не думая вовсе,
что нужен ты здесь – до срока...
Пока безотказен, и лапы твои сильны.

* * *

Мы уверены свято,
Что смерть – не про нас.
И судьба –
лишь случайная цепь совпадений.
За возможность
крутить колесо наслаждений
Преждевременной старостью
Платим аванс.

Не пытаясь понять
Мироздания суть,
Мы привыкли значительность
вкладывать в даты,
По привычке легко назначать виноватых.
Отчего же ночами не можем уснуть?..

Деньги –
Новый чертовски раскрученный Бог:
И богатый, и бедный причастия жаждет.
Но и тем и другим неизменно однажды
Всемогущая Смерть
Обозначит
Итог.

ЛИВЕНЬ

Небо, пока ещё ясное, дышит покоем.
Ветер целует сирени пушистые кисти,
Перебирая неспешно за листиком листик,
Шепчет тихонько заклятье своё колдовское.

Птицы летают так низко,
что кажется, вскоре
Вовсе опустятся
ворохом чёрным на землю.
Травы весенние,
солнцем согретые, дремлют,
Словно спокойное и бесконечное море...

...Миг! И внезапно забыв про покой
и усталость,
Дождь рассыпая
плеядами крупных жемчужин,
Небо палит из орудий
(не пары, а дюжин!)
В землю, которой недавно
в любви признавалось.

Ливень беснуется! Мир растерялся и тонет...
Нам ли бояться сверкающих молний
атласных?
Пусть мы до нитки промокли,
но как же прекрасно
Это живое тепло между наших ладоней!

* * *

Взъерошенное облако лежит на проводах.
Так низко,
что вот-вот сползёт на плечи остановки.
Доеден май щавелевый и первая среда
Июня земляничного добыта из кладовки.

Икается. И кажется: кому-то – да нужны...
События мистически сплетаются в узоры.
Ты помнишь, как страдали –
дотянуть бы до весны.
А вот уж лето спелое,
июль вишнёвый скоро!

Шарлоточного августа попробовал кусок,
Сентябрь бруснично-клюквенный
отдаем в охотку.
Наш мир так хрупок,
кажется, он вовсе невесом.
Но как реален этот вкус
блаженства и шарлотки!

* * *

Росинки звёзд ловя губами,
Бежим по краешку Вселенной.
Всё изменилось между нами:
Сдав на доверие экзамен –
Мы безгранично откровенны.

Реальность рухнула. Мне стало
Легко, как будто я из нитей.
А ты – из крепкого металла,
Судьба-кузнец не раз ковала
Тебя ударами событий

И закалила – до предела.
Ты смотришь так проникновенно...
Теперь я знаю, в чём тут дело:
Я, как и ты, всегда хотела
Бежать по краешку Вселенной.

* * *

*Пытаясь противостоять системе,
мы становимся её частью, её заложниками.*
Рудияр Топор

Смелых и честных
сжирает проплаченный бунт.
Сколько отчаянных
сможет прийти им на смену?
Змеи-иллюзии ловко сползают с трибун.
Чужа добычу, молчат в кабинетах гиены.

Встанешь к оружию? Этого только и ждут
Те, кто растравливал шавок
в медийных просторах.
Будешь примером расправы у всех на виду,
Темой для пакостных сплетен
в чужих коридорах.

Всё ещё веришь, что можно куда-то сбежать?
Ты удивисься, но можно.
Подумай, а нужно ль?..

Также, как в сытном загоне свинья –
до ножа,
Станешь ли жить понукаемым
и безоружным,

Зная: для всех одинаков проторенный путь
В месиве вялотекущих
привычных депрессий?..
Проще ответственность
на провиденье спихнуть,
Чем разбираться
в безмерности жизненных версий.

Время придёт,
ты в Осознанность сделаешь шаг...
И упадешь, раскалённые слёзы роняя,
Не потому, что почувствовал жало ножа,
А потому, что свобода сперва – опьяняет.

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Ветер, укутавшись в ночь,
дирижирует сонно
Вальсом ажурных снежинок
у самой земли.
Словно подслушав желания
страстно влюблённых,
В небе сады гиацинтовых звёзд зацвели.

Тысячи взглядов направлены в синие выси,
Чтобы найти самый ценный
и редкий цветок.
Смотрит, прищурившись,
месяц на это по-лисьи:
Он – гиацинтовых звёзд стародавний знаток.

Мастер-мороз мириадами ярких сапфиров
Ловко расшил
по дорогам расстеленный шёлк.
...в парке забытый
на лавочке томик Шекспира
Утром напомнит о тех, кто искал... и нашёл!

* * *

*Всё будет правильно,
на этом построен мир.*

М. Булгаков
«Мастер и Маргарита»

Легко скользить по рельсам
вечных штампов,
Не напрягаясь...
Только... слышишь грохот?
Трещит по швам гнилых устоев дамба,
Считает дни
Отжившая эпоха.

Придётся туго глупым и ленивым:
Для них смертельна
Мощь волны ударной.
Но даже зло бывает справедливым,
Когда добро наоборот –
Коварным.

* * *

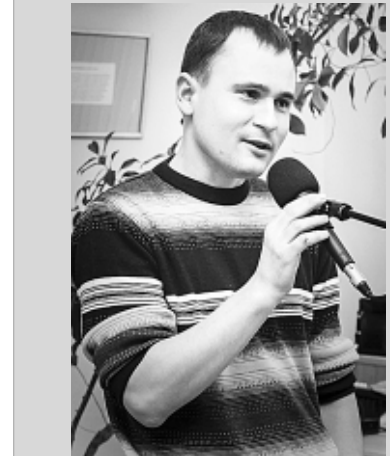
Горько-кофейная ночь бежит
Неотвратимо навстречу мне.
И пруступают объёмней и ярче
Старые звёздные витражи
В джазово-искренней тишине.

Голову грустно склонил фонарь,
Светит под ноги прохожим всем,

Чтобы они, упиваясь тенями,
Вовсе забыли про календарь –
Каждый неспешен, задумчив, нем.

Утром сойдёт неуместный флёр,
Выгорит яркость машинных фар,
И не заметит никто, как с неба
Сливочно-персиковый ликёр
Медленно капает на бульвар.

Фёдор ИВАНОВ

Иванов Фёдор Александрович родился 4 июня 1984 года в Твери, где и живёт сейчас. Выпускник отделения журналистики филологического факультета Тверского Государственного университета (2006 г.), участник молодёжной литературной студии «Иволга» (г. Тверь, руководитель – кандидат искусствоведения Виктор Николаевич Бабковский). Лауреат премии «Студенческого меридиана» (2009 г.), конкурса-марафона молодых авторов «Пишу в Твери» (2011 г.), открытого фестиваля поэзии ВГТУ «Поэтех» (2011 г.), «Поющие письмена» (2014 г.) Дважды дипломант литературных встреч «Каблуковская радуга» (2011, 2012 гг.). Участник и дипломант ряда других литературных конкурсов и фестивалей, проходивших в Твери. В Союз писателей России принят 4 июня 2013 года, член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

* * *

Починить бы подвеску,
порыться в карманах, и
в деревенскую глушь умотать
и писать стихи.
А когда не идут стихи, наливать вино,
от которого утром мне будет не очень,
но
всё равно наливать,
и обмакивать рифму, как
подсыхающий хлеб
в кружку сладкого кипятка.
И пускай оживает, пусть пенится и бурлит...
Остаться счастливым,
имея дерьмовый вид,
это тоже искусство, я им овладел сполна;

ну а если вдруг рифма окажется не нужна,
то отец с удовольствием выдаст лопату, и
познавай красоту
поля русского изнутри.

* * *

Как всё поменялось у ветреных муз,
хоть, может, они тому сами не рады,
что стало важнейшим из сотни искусств
искусство твоё дотянуть до зарплаты.
У новой прелестницы скромный наряд,
местами ободраны старые туфли,
и верить в такую всерьёз не велят
ни сердце, ни разум...

Как сказано в Гугле,
ухудь – это модно, но странно весьма,
что мой кошелёк тоже знает об этом.
И, кажется, будет суровой зима
для тех, кто держался на «роллтонах» летом.
Но всё-таки Муза не бросит меня,
в союз голодранцев устроит стажёром,
и, грозно рублями в кармане гремя,
мы выйдем с ней под руку
к звёздам тяжёлым.

* * *

М.

От кончика сигареты
до джинсовой нитки на
коленке –
ныряешь в лето,
как будто оно волна.
И в радости суматошной
намокнут глаза твои...
Важней не любовь, а то, что
останется от любви.
Незрелой ли, неумелой, –
потом узнаёшь на вкус...
Но ластится август к телу,
и жизнь учащает пульс.

* * *

...и стал асфальт простой землёй,
изрешечённый лесовозами...
Намазан густо, слой на слой,
то бледно, то пунцово розовый
закат дрожит на лобовом
и могильков плотает заживо...
Когда нет в сердце никого,
жизнь начинает притормаживать.

Рули меж ям и покоришь
законам счастья близорукого.
Без этой тряски – вверх и вниз –
судьба безвкусная, как руккола.
Ещё немного попылим,
и за полями-пустоцветами
деревня вырастет вдаль,
где музы мирятся с поэтами.

Впуская сумерки в глаза,
с объёмом тьмы не перебарщивай.
Диск выдаёт гитарный залп,
взгляд выдаёт в тебе пропащего,
привычка нужное терять
укореняется под кожей...
И вот по кромке сентября
он едет, мальчик искорёженный...

* * *

Всё прекрасно, о звезда моя далёкая,
только осень собралась на дело мокрое.
Щеголять теперь душой непромокаемой...
Улыбнитесь, Бог снимает скрытой камерой.
Мы как статуи серьёзны, не по возрасту.
Килоджоули тепла раздали попусту,
что жалеть о них, раз мы гуманитарии...
Между строк читать умеем, но не далее.
Старый двор наш

не узнаем скоро с картою.
Не впадаю в детство там я, просто падаю,
и всё кажется, мной

что-то в нём оставлено,
в чём и нежного хватает, и хрустального.
Всё прекрасно, это временные трудности.
Мы на свете,

чтобы пить вино и чушь нести.
Толку нет от нашей правильности каменной.
Улыбайтесь, Бог снимает скрытой камерой.

* * *

С.Т.

* * *

И все лукавы истины,
как поцелуй без спроса,
когда стоят на пристани
два шмыгающих носа.
Отсюда жизнь отчалила,
лишь издала мотивчик...
Ты капельку печальная,
а я привычно сбивчив.
Луна в асфальте стареньком
прощупывает почву,
так человек с фонариком
кого-то ищет ночью.
Желание загадывай, –
пусть не сбывались раньше, –
пока в сиянии матовом
светлеют лица наши.
Не заболеть вот только бы,
здесь, на ветру холодном...
Бог счастье режет дольками,
а нам его бы оптом...

* * *

С.

Вот снег пошёл...
зачем испытывать судьбу,
и без того мой ангел гнёт,
как негр, спину.
Свою машину я вчера переобул,
теперь душе пора на зимнюю резину.
Куда она
в такую слякоть без шипов,
её и летом
то вело, то заносило...
Скрипит домкрат под этой грудой
чувств и слов,
ликует грубая физическая сила.
Болты крепки,
как будто жизнь не коротка.
Итог трудов заверен знаком бесполезным...
И пусть сидит себе тихонечко, пока
штрафуют тело за хождение в нетрезвом.

Оторвавшись от сайтов и статусов,
где никто ты
и будешь никем,
стань теплее на тысячу градусов,
прикоснувшись губами к щеке.
От абсента шатается комната,
но прозрачней и трепетней взгляд...
Ты знакомая и незнакомая,
я обеим до странности рад.
И как будто сжигает ненужное
над бокалом огонь спиртовой...
В тёмных улицах старого Южного
голос мой превращается в твой.
Где поют эти птицы, чего они
этой ночью с цепи сорвались?
Неужели тобой очарованы
И, как я, возвращаются в жизнь?

* * *

С.

Эта осень не будет похожа
на осени прежние.
Загрубевшие руки мои
превращаются в нежные.
Может, чудится всё, но пускай
мне и дальше так чудится, –
потемневший подъезд,
посветлевшая улица.

И не сразу поймёшь, отчего
не хватает дыхания, –
от притихших ли звёзд,
от семнадцати лет ожидания...
Запоздалое лето в листве трепыхается,
что ему
до лица моего,
что приблизилось к твоему?

Расстояние и расставание – злое созвучие.
Я проснуться боюсь и узнать,
что и вправду ты лучшая.
К волосам прикоснусь;
не обнять тебя здесь – это выше сил...
Без молитвы у неба любимую выпросил.

Валерий РЕМИЗОВ

Ремизов Валерий – поэт и музыкант,
член областной творческой ассоциации
«Содружество литераторов
Верхневолжья» и творческого
объединения «Струны души»,
победитель II Областного поэтического
конкурса «Верхневолжье» (2015 г.)

* * *

Во граде ли в Китеже звоны стоят,
усилены волн перекатом стократ.
Там рощи дубовые тысячи лет
цепляют корявыми сучьями свет.

Там рыскал когда-то раскосый монгол,
да только с пустою сумою ушёл.
В рассветных туманах блестят купола,
и водная гладь до заката светла.
Там злато в богатых палатах блестит,
в узорчатом тереме дева грустит.
И ждёт, истомившись, пока кто-нибудь
отыщет в невидимый город свой путь.

* * *

Переливается, катится гул –
Грянул весенний набат.
Капает золото солнечных скул
С неба на пыльный асфальт.
Ветви вцепились в небесную высь,
Тянут густую лазурь.
Свет по ветвям опускается вниз,
Гонит застывшую хмурь.
Не разбирая дороги, идёт
Вечно босая весна,
Топит горячим дыханием лёд,
Спрятанный в тёмных лесах.
Звонко смеётся и шурит глаза,
Морщит веснушчатый нос
Вечно босая девчонка-весна,
И дожидается гроза.

* * *

Поношенной шинели
ты запахнул полу,
секрет Полишинеля
не выдав никому.
Как боевое знамя
спасают на груди,
так ты тогда дворами
с тоскою уходил.
Когда ты брёл во мраке
по тонкому ледку,
бродячие собаки
уж были начеку,
но лишь негромко выли
под хруст замерзших луж,
и скалились уныло,
учуяв запах стуж.
Жужжал фонарь протяжно
рассерженным жуком,
и свет тончайшей пряжей
висел над козырьком.
От фонарей – в потёмки,
шинель на все крючки.
Налево – новостройки
и окон маячки,
направо – неизвестность...
А ночь – как монолит,
вот-вот готовый треснуть,
над городом висит.

* * *

Под тонкой синью небосвода
Расплылся солнечный желток
И с прежней медленностью хода
Вершит очередной виток.
И день дрожит, и лёд сверкает,
Деревья чопорно молчат,
И мир от края и до края
Густым молчанием объят.
Соседний дом ухмылкой окон
В сто глаз смеётся надо мной,
И жжёт сквозь ткань солярный локон,
Висящий за моей спиной.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Жили-были,
вечерами расходились по домам,
заливали чайные пакетики
(шестьдесят процентов чая, сорок – пыли),
насыпали вискаса котам,
погружались в пледную эстетику.

Жили-были...

По кальянным в пятницы,
по субботам – в бар, быть может, в два.
Не меняли стиля.
Каракатицей
жизнь едва-едва ползла сперва.

Жили-были,
уповали на карьерный рост.
Трудоголики и карьеристы часто
были в мыле.
На застольях говорили тост,
прочили «здоровьяденегсчастья».

Жили-были.
Дети в ипотеку.
В отпусках в Еланде и Тайгипте,
как на гриле,
жарились на пляжах. Человеку
жить со вкусом вы не запретите.

Были? Были.

Жили? Тут вопрос открытый,
и когда черта подведена,
как итог стремлений и усилий,
на обломках чёрного гранита
напишут только наши имена.

* * *

Мы – подпольные сволочи,
мастера конспирации.
С утра до ночи
шепчем в рации,
рассказываем секреты,
выведаваем секреты...
– Кто ты?
– Где ты?
У нас идеальное прикрытие:
тих омут, но каждое событие
пенит чёрную воду.
Мы лезем в неё, не зная броду.
Долго расходятся круги.
А вокруг не видно ни зги...

Но разве хоть в чём-то мы виноваты?
Мы с детства знали, что у Деда-Мороза
борода из ваты,
мы привыкли к прозе –
нам не давали читать стихи,
ни единой строфы,
сладости были спрятаны в высокие шкафы.
И, сколько себя помню, мы были тихи.

А нам так хотелось верить,
хотя бы кому-то, хотя бы во что-то,
но с каждой потерей
всё меньше... а кто-то
брал телескоп, пересчитывал звёзды.
И, может быть, даже и пересчитал...
А мы вечно ждали, и вот уже поздно,
мы вышли на сцену, мы смотрим в зал,
а в нём – никого. Нас никто здесь не ждал.

Вера ГРИБНИКОВА

Грибникова Вера живёт в Твери, член
Союза писателей России с 2000 года
и областной творческой ассоциации
«Содружество литераторов Верхне-
волжья» (с 2016 г.). Автор трёх
поэтических сборников. Руководитель
Тверского творческого объединения
«Ковчег». Неоднократный победи-
тель Российских и зарубежных
литературных конкурсов. Член лит.
совета Красноярского альманаха
«Новый Енисейский Литератор».

БАБЬЕМУ ЛЕТУ

И вот он предо мной – осенний путь.
А я ещё у Августа в объятьях
И в звёздные глаза его гляжу.
У сентября не хватит куражу
Нас разлучить. И я цветное платье
На тёмный драп сменю когда-нибудь,
Но не сейчас, покуда зной в груди.
А листопад велит считать потери!
Но Августейший обещал не зря
Вернуться к середине сентября.
Я обещаю безоглядно верю,
И две недели счастья впереди!

ЛЁТНАЯ ПОРА

Вот и загудели трактора,
Пашню щедро потчуют зерном.
Наступает лётная пора,
Даже если дождик за окном.

Летние последние деньки,
Старостью напуганы всерьёз.
Августа седые волоски
Ветер паутинками разнёс.

Солнце разливает, не спеша,
Сентября тягучий зрелый мёд.
С ветки наливного крепыша
Отпускает яблоня в полёт.

Листьев золотые мотыльки
Медленно слетают с вышины.
Всё прозрачней роща у реки.
Всё темнее синий шёлк волны.

Вновь у перелёта в кабале
О разлуке птичий клин поёт.
Слётком, позабытым на земле,
Сердце отзывается моё.

Новизною радуя людей,
Белизной захватывая дух,
Из подмёрзших крылышек дождей
Полетел к земле холодный пух.

Простужать влюблённых, красть мечты
У зимы недюжинный талант.
Но летит с оконной высоты
Поцелуев радостный десант.

Ты, во тьме больничного двора,
Самый близкий и родной сейчас.
Торжествует лётная пора,
Нам с тобою открывая нас.

* * *

Он держал меня в ежовых рукавицах,
Я его держала в бархатных перчатках.
Он всегда считал себя свободной птицей.
Я свекровушке писала: «Всё в порядке»,
И дурными не делилась новостями.
Разве можно огорчать вторую маму?
Пусть не знает, что сынок живёт не с нами
И содержит сногшибательную даму.
Лишь бы люди ей не лягнули про это,
А сама я притворюсь легко и ловко.
Как и прежде, повезу внучат на лето
И совру, что папка их в командировке.
Так совру, что и сама поверю сказке,
Детским смехом подлатаю в сердце раны.
Пусть дождутся сыновья отцовской ласки,
...Пусть вернуться в дом ежовые капканы.

... Вот и наши внуки дружно загалдели.
Дед из дома ни ногой теперь без спросу.
А те варежки ежовые истлели.
Только бархатным перчаткам нет износу.

НОЧНАЯ ГАВАНЬ

В гавани ночная тишина.
Прикорнул у пирса пароходик.
Ласковая нянюшка-волна
Песню колыбельную выводит,

И прибрежный засыпает мир,
Повинуясь шелестящим нотам.
Крепко спит измученный буксир,
Уморила бедного работа.

Почивает шустрый катерок
И во сне причмокивает даже.
Дрыхнут, как сурки, без задних ног,
Две неповоротливые баржи.

Дремлют пассажирские суда.
Вьются сны над братией плавучей.
Что им снится? Рейсы? Города?
Люди? Грузы? Маяки на кручах?

В гавани прохлада и покой.
Бакены и те клюют носами.
Лишь один кораблик – золотой –
Не спеша плывёт под небесами.

Да настырно пробует свирель
Где-то под кустом сверчок бессонный.
«Тише, тише», – шепчут няньки-волны,
Колыхая зыбкую постель.

ПЕШКИ

Мной жертвуют, я пешка...

Л. Прозорова

Как часто смотрят, не тая усмешки,
На героиню шахматных боёв,
Не разглядев, что маленькие пешки
И конницу прикрыли, и слонов,

И штаб, где королевская чета
Со свитою отборных офицеров.
Мы – клетчатого фронта пионеры
И авангардом ходим неспроста,

Поскольку не умеем отступать,
А рубимся направо и налево.
И если гибнет королева-мать,
Одна из нас, пройдя сквозь вражью рать,
Добыть сумеет титул королевы.

Вот замер строй. Горнист прижал трубу
К своим губам. Сигнал певуч и звонок.
Сейчас одна из пеших амазонок
Шагнёт вперёд испытывать судьбу.

Горячий конь в затылок дышит мне,
И напирает слон своею тушей.
Ну что же... На войне как на войне.
Да сохранит Гроссмейстер наши души!

БРАТЬЯ СТАРШИЕ

Задыхающиеся деревья,
Узники кварталов городских.
Вам бы за околицу деревни,
Где и ночь тиха, и полдень тих.

Там целебны и прозрачны росы.
Ветку тронь и подставляй ладонь.
Не визжат безумные колёса,
Не плывёт бензиновая вонь.

Люди обрекают вас на муки,
Заточив у городских дорог.
По весне обрубят ваши руки,
Летом уготовят едкий смог.

Вот такая адская опека –
На культяшках чёрная листва.
Мученики атомного века,
Братья по планете – деревья.

Мудрые заложники терпенья,
вы стоите в чаде и пыли
Молчаливой армией спасенья
неразумных детушек земли.

СУМЕРКИ ГОДА

Изморось приветствую зонтом.
У крыльца разлит кленовый суп.
Небо рыхлым серым животом
Трётся о персты фабричных труб.

Потерял красу рекламный щит.
Ветер, присмиривший и незлой,
Трогает прохожих за плащи,
Просится погреться под полой,
Не сдвигает шляпы набекрень,
Не взывает листья выше крыш...

Бедный, бледный коротышка день
Смотрит, как заплаканный малыш
Хлюпает и тянет на себя
Одеяло ранней темноты.

О нарядах отнятых скорбя,
Ропщут обнажённые кусты.

Строки утешенья всем даря,
Узенькой аллеюкою бреду...
Траурное царство ноября.
...Самое печальное в году.